

© В. А. Кошелев

**«АВОСЬ, ДОРОГИ НАМ ИСПРАВЯТ...»:
О СЕМАНТИКЕ «ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ» «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Приведенный в заглавии стих в известной шифрованной записи так называемой «десятой главы» «Онегина»¹ занимает несколько особое место. Он находится на левой странице листа во втором столбце среди четырех стихов:

Моря достались Албиону
Авось дороги нам испр(авят)
Измучен казнию покоя
Кинжал Л(?) тень Б(?)²

Б. В. Томашевский, рассказывая об «истории разгадки» «десятой главы», представил математически рассчитанную и логически непротиворечивую «криптограмму», расшифрованную П. О. Морозовым (и уточненную С. М. Бонди): двенадцать «онегинских строф» с сохранившимися первыми четырьмя стихами (в них — несколько ошибок поэта, составлявшего «криптограмму») и четыре строфы, в которых сохранилось три начальных стиха. Но в эту расшифровку не укладывались как раз четыре приведенных выше строки.

Исследователь логично предположил: «Очевидно, это стихи одного порядка из тех же 16 строф. Однако их никак не приспособить в качестве пятых стихов. Надо думать, что здесь дальнейшие стихи (вероятнее всего — девятые; за это говорит женское окончание и синтаксический строй, свойственный начальному стиху некоторого периода). Локализуются по строфам два стиха. Второй явно попадает в серию, посвященных слову „авось” (строфы VI и VII). Третий стих в измененном виде находится в том же самом стихотворении „Герой”, что и все четыре начальных стиха VIII строфы. Наконец, слово „Кинжал” четвертого стиха заставляет предполагать, что речь идет о событиях 1820 г. (убийство герцога Беррийского Лувелем), которым посвящена строфа IX».³

В конце концов эти четыре стиха в Большом Академическом издании оказались в следующем контексте:

⟨6⟩

Авось, о Шиболет народный
Тебе б я оду посвятил
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
.....
Моря достались Албиону

⟨7⟩

Авось аренды забывая
Ханжа запрется в монастырь
Авось по манью ⟨Николая⟩
Семействам возвратит ⟨Сибирь⟩
.....
Авось дороги нам исправят

¹ ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 170.

² Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. [М.; Л.] 1937. Т. 6. С. 520. В дальнейшей ссылке на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

³ Томашевский Б. В. Десятая глава «Евгения Онегина» (История разгадки) // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1961. С. 216—217.

⟨8⟩

Сей муж судьбы, сей странник бранный
 Пред кем унизились ц(ари)
 Сей всадник Папою венчаный
 Исчезнувший как тень зари

 Измучен казнию покоя

⟨9⟩

Тряслися грозно Пиринеи —
 Волкан Неаполя пылал
 Безрукий князь друзьям Морен
 Из К(ишинева) уж мигал

 Кинжал Л(?) тень В(?)

(VI, 522—523)

Из предложенной вроде бы непротиворечивой «расшифровки» выбивался стих «Моря достались Албиону»: «морская» политика Англии плохо соотносилась с «русским авосем». Н. Л. Бродский в своем комментарии предпочел считать этот стих (в отличие от двух следующих, оставленных на своих местах) начальным в специальной строфе, якобы рассказывавшей о переделе Европы державами Священного союза. В связи с этим исследователю пришлось произвольно «перетасовать» (в соответствии с якобы «реконструированной» логикой Пушкина) и порядок других стрóf,⁴ что нарушило логику расшифрованной «криптограммы».

Б. В. Томашевский, критикуя подобные «новации», особенно негодовал на то, что стихи с «авосем» оказались в этой «реконструкции» в самом финале «десятой главы» и с иронией замечал: «Последняя, строфа занимает заключительное положение, очевидно, потому, что в ней есть стих „Авось дороги нам исправят“, а по обязательной справке литературоведа-социолога первая шоссе́нная дорога была построена только в 1830 г., т. е. после событий 1825 г.»⁵

Недавно новую попытку «реконструктивного анализа» этого текста предпринял С. А. Фомичев, который в своем «логическом» анализе стрóf тоже не очень следует за «криптограммой». Он указал на неуместность стиха про «Альбион» в серии рассуждений про «авось»: «По смыслу, речь должна идти о результатах войны, плоды которой народу не достались. Тогда на место встанет строка о морях, а ниже можно ожидать перечисления остальных „благ“ (может быть, — «Французский трон опять Бурбону» и т. д.), а смерду русскому пришлось лишь полагаться на авось».⁶ «Альбион» оказывается рядом с «русским глупым нашим народом», а стих про «авось» и «дороги» отнесен к строфе, где поминается «стихоплет великородный».

Кстати, все последующие интерпретаторы «десятой главы» интересующие нас четыре не укладывающиеся в «криптограмму» стиха склонны считать не «девятыми» по счету в реконструируемой «онегинской строфе» а «пятыми». В. В. Набоков по поводу стиха о «дорогах» заметил: «Какая могла быть рифма в стихе 6? Заставят? Позабавят? Поставят? Прославят? Расставят? Раздавят? Убавят? Удавят? Есть и еще несколько вариантов, менее очевидных».

А по поводу «авосья» о сосланных в Сибирь декабристах указал: «Здесь анжамбеман: стих 5 наверняка начинался прямым дополнением, относящимся к недописанному предложению (4—5): „Семействам возвратит Сибирь / ⟨Их сыновей⟩”.

⁴ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. 4-е изд. М., 1957. С. 375—398.

⁵ Томашевский Б. В. Указ. соч. Кн. 2. С. 238—239.

⁶ Фомичев С. А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М., 2005. С. 156.

В конце строфы скорее всего говорилось о Наполеоне; последним словом в стихе 14 могло быть и само его имя. Декабристов Сибирь еще может вернуть их семьям, но Святая Елена своего пленника уже не отдаст. Возможно, так завершалось это очень пушкинское перечисление и тривиальных, и значительных вероятностей, подсказанных поэту словом „авось”.⁷

С. А. Фомичев не согласен с этой гипотезой: «Разумеется, словесное продолжение в пятой строке, намеченное Набоковым, вполне условно, но необходимость завершить мысль о возвратившихся из Сибири не позволяла там повторять „Авось...”». Но почему именно «авось» не увязывается с декабристской темой (тем более, что Пушкин с «авось» и начал), и чем плохо, если декабристы возвратятся из Сибири по «исправленной» дороге?

Во второй половине XX века в связи с актуализацией темы «Пушкин и декабристы» появился ряд собственно поэтических «реконструкций» «десятой главы», две из которых показательны для нашей темы, поскольку их авторы исходили из текста расшифрованной «криптограммы», представленной в Большом Академическом издании (правда, интересующие нас стихи переместились там не на девятое и не на пятое, а на шестое место в «онегинских строфах»). Одна (принадлежащая, вероятно, Д. Н. Альшицу) была создана в ГУЛАГе в начале 1950-х годов, другая, А. Ю. Чернова, — в середине 1980-х годов. На обоих сохранился отпечаток эпохи, в которую они создавались.⁸

1950-е гг.

*Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплёт великородный
Меня уже предупредил.
«Авось» теперь на службе трону:
Моря достались Албиону,
А что за вычетом морей,
Авось, подляжет под царей.
Мечтать об этом так отраднo...
Наш просвещённый новый царь
Всей суши будет господарь
И с ней управится изрядно,
А нынче всё и вкривь и вкось,
Но я ... надеюсь на авось!*

*

*Авось, аренды забывая,
Ханжа запрётся в монастырь,
Авось, по манью (Николая)
Семействам возвратит (Сибирь)
Тех, что в народе тайно славят,
Авось дороги нам исправят,
Авось, российская печать
О правде сможет не молчать...
Авось, поэт, служитель лиры,
Придворным сможет и не быть
И даже сможет не носить
Камер-лакейские мундиры...
Но я отвлёкся от времён,
Когда был свержен Напольон.*

1980-е гг.

*Авось!.. О Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплёт великородный
Меня уже предупредил.
Вернулась Франция к Бурбону.
Моря достались Албиону,
Свобода — ляху. Ну а нам —
Восторг провинциальных дам
Да дидактические оды.
Авось, когда-нибудь потом
Вослед иным и мы войдём
Под свод пленительной свободы
И просвещения венец
На нас натянут наконец.*

*

*Авось, аренды забывая,
Ханжа запрётся в монастырь;
Авось, по манью (Николая)
Семействам возвратит (Сибирь),
Кого по случаю представляют;
Авось, дороги нам исправят;
Авось, цензуре надоест
Охота к перемене мест;
Авось, раба отпустит барин,
Авось, газетный патриот
Сам за собою подотрёт;
Булгарин станет невульгарен...
Авось, — про то слышали вы —
Не тронет матушки-Москвы.*

⁷ Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 647.

⁸ Судьба Онегина / Сост. В. и А. Невских. М., 2001. С. 449, 460.

Две несхожих «реконструкции», как бы к ним ни относиться, наглядно демонстрируют «непротиворечивость» соединения разговорной частицы «авось» с «высокой» декабристской тематикой. Кроме того, по-разному представленные «авоси» оказываются в данном случае очень широки в их семантических связях и оттенках. С одной стороны, «Авось теперь на службе трону», с другой — «Авось, раба отпустит барин»: и мотив укрепления самодержавия, и надежда на отмену крепостного права представлены с помощью одной и той же частицы. Поэтому стоит приглядеться к семантическим возможностям «авось», довольно часто встречающегося в сочинениях и письмах Пушкина.

В словаре В. И. Даля частица *авось* обозначена как наречие (то бишь значимая часть речи), этимологически возводится к сочетанию «*a-vo-se* — а вот сейчас» и толкуется следующим образом: «может быть, станется, сбудется, с выражением желания или надежды (латинское *fore ut*)». Толкование это сопровождается целым ворохом примеров «пословичного» словоупотребления: «Авось Бог поможет. Авось — вся надежда наша. Авось, небось, да третий как-нибудь. Авось — хоть брось. Наше авось не с дуба сорвалось, рассудительное. На авось мужик и хлеб сеет. На авось и кобыла в дровни лягает. На авось и рыбака толкает под бока. На авось казак на конь садится, на авось его и конь бьет. Русак на авось и взрос. Ждем, пождем, авось и мы свое найдем. Авось не унывает. От авось добра не жди. Авось плут, обманет. Авось в лес уйдет. Авось до добра не доведет. Авосью верь не вовсе. Авось да живет, не к добру доведет. Авось, что заяц: в тенетах вязнет. Авось задатку не дает. Авось велико слово. Авось не бог, а полбога есть. Авось живы будем — авось помрем. Авось — дурак, с головою выдаст. Держись за авось, поколе не сорвалось. Авось жданки съели». От этой частицы («наречия») образованы существительные *авоська* («будущий желанный случай, счастье, удача, отвага; кто делает всё на авось»), прилагательное *авосьный*, глаголы *авоськать*, *авосьничать*.⁹

Кроме множества вариантов обычного употребления этого слова, оно может провоцировать и «неочевидные» смыслы. Так, в лермонтовском «Герое нашего времени» Печорин, говоря о своем будущем, заключает: «Мне осталось одно средство: путешествовать. (...) только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге!»¹⁰ Здесь слово *авось* несет особую нагрузку: оно употреблено семантически «незаконно» — и эта «незаконность» подчеркивает особенную усталость героя от жизни.¹¹

Показательно, что в этом случае явно преувеличивается упование «на авось» как собственно *русское* чувство («да понадеялся он на русской авось»): такая национальная привязка явно преувеличена, и беспечная надежда, как заметил И. А. Гончаров во «Фрегате „Паллада”», не столько «в характере русского человека», сколько «в характере просто человека». Это, кстати, очень хорошо показал М. И. Михельсон, сопоставляя «русскую мысль и речь» с инонациональной.¹² В качестве «шиболета народного» словечко *авось* стало ощущаться именно с появлением нашуемшей сатирической оды «стихоплёта великогородного» И. М. Долгоорукова «Авось» (1798).

Из обширного (двадцать три одических строфы) стихотворения Долгоорукова комментаторы обыкновенно ограничиваются цитированием четырех стихов, «авосью» посвященных:

О слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 3—4.

¹⁰ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 232.

¹¹ См.: Жиркова Е. А. Неочевидные доминанты и их значение в адекватной интерпретации художественного текста. Краснодар, 2006. С. 51—52.

¹² См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. М., 1994. Т. 1. С. 4—5.

Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!¹³

Между тем содержание чрезвычайно яркой для своей эпохи оды никак не сводится только к «воспеванию» этого «прямого слова». Принцип «возвышения на авось» оказывается, например, способом жизни и «возвышения» новой знати — «вельмож в случае». Ведь «случай» здесь — то же, что «авось»:

Когда бедняк пот крови точит,
Слезами каждый грош промочит,
По лестнице тот благ летит:
«Авось взойду!» — себе вещает,
И, где не сеял, пожинает,
Что восхотел, то и творит.

Отсюда является представление о том, что «авось» оказывается общим показателем «счастливого пути», путеводной звездой успешных в жизни русских людей:

Авось велико, право, дело!
Он всех затеев наших руль;
Лови успех, чтоб всё кипело,
Коль в мире быть не хочешь нуль {...}

С «авосем» легче и путешествовать по «неисправным» российским дорогам: не рассчитаешь, где лучше проехать, — удобнее передвигаться «наперекор рассудку»:

На свете мыкался я много,
Ходил, езжал и так и сяк;
Пойдешь авось — везде отлого,
Пойдешь с умом — всё буерак.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя всё наплевать.

«Авось» кажется универсальным способом жизнестроения, «всему и всем подпорой». Он — замечательный помощник и в азартной игре:

С ним любо и за карты сесть;
Не глядя в них, кричи знай скоро:
«Бостон!» — открыл — он тут и есть. —

и универсальная «премудрость» в любовных затеях:

Скажи «люблю», скажи, не бойсь;
И верь, что нежно то словечко
Пройдет насквозь ее сердечко.
В любви премудрость вся — авось.

А весь этот «универсум» способен развиваться только потому, что универсальным принципом бытия «в отечестве моем преславном, ни с чьим в подсолнечной не равном», становится способ всеобщего обмана и надувательства — «жизни по лжи». И тут уже без «русского авоса» не обойтись никак:

Сожитель женку уверяет,
Что он чужих не терпит жен;
Супруга мужа лобызает,
Твердя, что боле всех мил он;

¹³ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 402—408. Далее цитируется по этому тексту.

Скупой свою шкатулу прячет;
 Бродяга весь свой век маячит;
 Приказный крадет что есть сил;
 А всякий сам в себе смекает:
 Авось никто-де не узнает,
 Что я проказу сгородил.

Ода Долгорукова, при всем своем сатирическом запале, представляет отнюдь не ироническое, а абсолютно серьезное отношение к такому русскому явлению, как жизнь «на авось»: только таким способом и можно выжить в «преславном» отечестве. *Авось* — универсальный двигатель русского бытия.

К творчеству «стихоплета» Долгорукова Пушкин с полным правом относился столь же иронически, как к стихам «пиита» М. Н. Муравьева (в первой главе «Онегина»). Но, отправляя читателя к известной его оде, конечно же, не мог не оценить ту степень внутренней свободы и полноты выражения творческой индивидуальности автора, которая в этом творении проявилась.¹⁴ И совершенно искренне сетовал, что стихи о слове «авось» уже написаны, — и написаны не им.

Впрочем, «ода» Пушкина, как она может быть реконструирована из сохранившихся упоминаний этого слова, была бы совершенно иной. В «Словаре языка...» зарегистрировано сорок семь случаев употребления Пушкиным «авосей». Он воспринимал упование на «авось» иначе, чем Долгоруков. В основе любого «авосей» — «необеспеченное» разумной реальностью упование (надежда) на благоприятное течение событий. Долгоруков в своей оде рисовал примеры «удачных» «авосей». Объявил на авось «Бостон!»; «открыл — он тут и есть». Полетел «по лестнице благ» — и сделался «вельможей в случае». Решил, что «авось никто-де не узнает» про его проделку — никто и не узнал. И так далее.

У Пушкина — иное отношение к «необеспеченной» надежде: «надежда им лжет (курсив мой. — В. К.) детским лепетом своим» (VI, 100). «Авоси», высказанные его героями, почти всегда оборачиваются *неудачей*. Героиня баллады «Сестра и братья» (из «Песен западных славян») Павлиха заявляет: «У той церкви авось исцелюся» — и тут же раздается предупреждающий «голос»: «Здесь не будет тебе исцеленья» (III, 359). Монах Вертольд («Сцены из рыцарских времен») собирает просить денег на алхимические опыты: «Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег». И тут же — резонный ответ: «Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены» (VII, 217). Поп из сказки о Балде понадеялся «на русской авось» (III, 497), хотя умом прекрасно понимает, что от «щелка» нового работника ему явно не поздоровится...

Персонажи прозаических повестей очень часто уповают на авось. «Авось, — думал наблюдатель, — привезу я домой заблудшую овечку мою» — и не получилось (VIII, 102—103). Анна Савишна, персонаж «Дубровского», надеется, что «авось, Бог пронесет» — и снова не «пронесит» (VIII, 193). В «Капитанской дочке» Гринев понадеялся на авось — и попал в буран (VIII, 288); защитники Белогорской крепости надеются: «Авось дадим отпор Пугачеву» (VIII, 316) или: «Видали и башкирцев, и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!» (VIII, 319); жена священника, прощаясь с Гриневым, высказывает надежду: «Авось увидимся в лучшее время» (VIII, 337); и сам Пугачев надеется на успешный исход восстания: «Авось и удасться» (VIII, 353). Но во всех случаях эти упования на авось оборачиваются неудачей и, что называется, «обломом».

И «биографический» пушкинский «авось» того же порядка и с тем же предощущением невозможности осуществления мечтаний. Вот — из писем поэта к В. А. Жуковскому периода «михайловской» ссылки: «Я всё жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне современем искать стороны

¹⁴ См.: Овчинников Г. Д. Историк собственного сердца // Долгоруков И. М. Капище моего сердца. Ковров, 1997. С. 7—20.

мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства» (XIII, 187). «Губернатор обещался отнестись, что лечиться во Пскове мне невозможно — итак погодим, авось ли царь что-нибудь решит в мою пользу» (XIII, 236).

В «Евгении Онегине» «авось» поминается единственный раз — и с прямой констатацией того же «облома». Мать Татьяны рассказывает соседу об ухаживании за дочерью некоего «гусара Пыхтина»:

Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь.

(VI, 150)

И даже тогда, когда «лестная надежда» кажется возможной, Пушкин предостерегает и «не задавшийся» вариант. Так, упованием на «авось» завершается вторая глава романа: «Быть может, в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной... и т. д.» (VI, 49). Но вплоть до белого автографа поэт сохранил и указание на иную возможность:

Но может быть и это даже
Правдоподобнее стократ
Изорванный, в пыли и в саже
Мой недочитанный рассказ
Служанкой изгнан из уборной
В передней кончит век позорный
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь.

(VI, 572)

Вторая возможность реализации «авось», о которой не принято было рассуждать в собственном творении, признается более «правдоподобной», чем первая.

В «десятой главе» Пушкин представил еще более показательные примеры «недостижимого авось». Кроме всего прочего, перед нами такая «надежда», реализация которой по закону парадокса вряд ли и приведет к чему-то хорошему.

Вернемся к стиху, вынесенному в заглавие: «Авось дороги нам исправят».

Страдания человека, путешествующего по русским дорогам, Пушкин красочно описал в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834): «Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый» (XI, 243).

Но далее следует замечательный пушкинский парадокс: «Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились» (курсив мой. — В. К.). Эта губернаторская «забота» по «исправлению» дорог состоит в том, чтобы сдирать с них дерн, который «есть уже природная мостовая», и «заменять наносной землей, которая при первом дожде обращается в слякоть». Тут же приводится пример с «воеводой», который «вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи» (XI, 243—244). И — невеселое замечание: «Таких воевод на Руси весьма довольно».

Гоголю приписывается знаменитое высказывание о двух вечных бедах России: «дураки и дороги». Кажется, что оно восходит к Пушкину, который к тому же воспринимал эти беды «неразъединенно»: *дороги* в России потому и плохи, что

«исправлять» их призваны *дураки* (в данном случае — государственные чиновники). В связи с этой констатацией факта Пушкин представляет сложную систему «предпочтений», которые на первый взгляд кажутся парадоксально противоположными.

Вот путешественник из публицистического сочинения 1834 года, сидя в дилижансе и «катясь по гладкому шоссе», замечает: «Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: *правительство открывает дорогу: частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться*» (курсив мой. — В. К.) (XI, 244).

Но в письме к В. Ф. Одоевскому от ноября—декабря 1836 года, касаясь разгоревшейся в то время полемики о железных дорогах, указывает на нечто иное: «...по моему мнению правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера. Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. *Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. (...)* Я конечно не против железных дорог; но я *против того, чтоб этим занялось правительство*» (курсив мой. — В. К.) (XVI, 210).

Но противоположность этих утверждений — видимая и легко объяснимая. «Гладкое шоссе» между Петербургом и Москвой создавалось под руководством графа А. А. Аракчеева и при непомерном «утеснении и взятках» (XI, 243) более пятнадцати лет. Сколько же потребует времени, чтобы «исправить» остальные российские дороги? Это, кажется, можно сделать «по расчисленью философических таблиц лет чрез пятьсот». Другое дело, когда эта проблема будет решена заинтересованным «обществом частных людей». Да и результат «дорожного» прогресса с подачи «правительства» будет своеобразным:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

(VI, 153)

Современный исследователь так комментирует это отступление из седьмой главы «Онегина»: «Пушкинское представление нетрадиционно и имеет „оборотную сторону“: оно *насквозь иронично* (курсив мой. — В. К.). Зачем-то через пятьсот лет упорных трудов Россию „пересекут“ соединенные друг с другом „шоссе“, непонятно для чего „раздвинут горы“ и какие-то „дерзостные своды“ пророят под водой — все это, как показал М. П. Алексеев, имеет своим источником газетные и журнальные сообщения пушкинского времени... Но в процитированном нагромождении „новшеств“ чувствуется их явная бессмысленность и совершенное отрицание *конечной цели* прогресса: „пророем“, „раздвинем“, а дальше все сводится к неизбежному „трактиру“ — стоит ли так усердствовать в пятисотлетней муравьиной работе?»¹⁵

Не менее ироничным оказывается и упование «на авось» применительно к «исправлению» дорог в «десятой главе»: оно не соответствует действительным «надеждам» Пушкина. Но ведь и два других упования на тот же «авось», находящиеся рядом, носят такой же «игровой» характер.

Вот прославленный «арендами» «ханжа», которому неплохо бы «запереться в монастырь». Роль «ханжи» (т. е. «облеченного властью набожного мошенника,

¹⁵ Кошелев А. В. Пушкин о проблеме железных дорог в России // Русская литература. 1999. № 2. С. 167.

одинаково увлеченного и очередным мистическим поветрием, и радостями более материальными — извлечением дохода»)¹⁶ в разных комментариях оспаривают два «кандидата»: известные мистики и обскуранты «александровской» эпохи А. Н. Голицын и М. Л. Магницкий. Приводятся существенные «доказательства» в пользу как того, так и другого... Но к осени 1830 года ни Голицын, ни Магницкий уже не представляли никакой опасности для русского просвещения и культуры: первый еще в 1824 году был отставлен с высших должностей министра народного просвещения и обер-прокурора Синода (и остался лишь «безобидным» начальником почтового департамента), а второй в марте 1826 года, после ревизии Казанского университета, был уволен с наложением ареста на имущество и сослан в Ревель. Так что ни о каком «монастыре» для них речи быть не могло.

Если же предположить, что Пушкин ведет речь о последних годах правления Александра I, — то при чем здесь появляющаяся в соседних стихах «Сибирь», которая должна «возвратить» кого-то? Кого именно? Обыкновенно этот «авось» связывается с восклицианием Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 5 ноября 1830 года: «Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит...» (XIV, 122). Здесь имеется в виду «рыцарское» поведение Николая I, посетившего в октябре 1830 года холерную Москву. Но могут ли совмещаться в соседних стихах два «разновременных» «авося»?

Кроме того, в контексте пушкинского пожелания о возвращении декабристов странным кажется слово «*семействам*». Ведь вернуть декабристов «семействам» — это значит заменить им сибирскую каторгу и ссылку, допустим, ссылкой в родовые имения. Это как будто не соответствует устремлениям Пушкина, ценившего их именно в качестве необходимых для России дворянских *деятелей* нового поколения...

Словом, «авоси», представленные в сохранившихся стихах «десятой главы», выглядят, по меньшей мере, странно. Как, впрочем, и начальное представление «авося» в качестве «Шиболета народного». Уже давно отмечено, что Пушкин в данном случае следовал за Байроном, назвавшим в 11-й песне «Дон-Жуана» английским «шиболетом» («национальным паролем») междометие «*god damn*».¹⁷ Но Байрон в этом случае следовал за Бомарше, который в знаменитом монологе героя «Женитьбы Фигаро» расширительно представил возможности английского «*god damn*». Фигаро подробно повествует о том, что это междометие может заменить любое английское высказывание. Но что-то подобное про «авось» утверждать было бы нелепо.

В данном случае *авось* выполняет особенную организующую функцию семантически объединяющего знака всего повествования «десятой главы» — во всяком случае, сохранившихся семнадцати строф. Пушкин читал их нескольким верным друзьям (Вяземскому, А. И. Тургеневу, П. А. Катенину), представляя при этом как фрагменты («только отрывки») именно «десятой главы» романа в стихах, «предполагаемой» (Вяземский), но невозможной для печати: «она останется надолго под спудом» (Тургенев).

Вяземский в дневнике охарактеризовал слышанное как «строфы о 1812 годе и следующих — *славная хроника*» (здесь и далее курсив мой. — В. К.). Тургенев указал, что здесь Пушкин «описывает путешествие его (Онегина. — В. К.) по России, возмущение 1825 года» и дает «*прелестные характеристики русских и России*».¹⁸ При этом соединение «хроники» и «характеристик» следовало под знаком мнимого «шиболета народного» — всеобъемлющей и всегда обманывающей надежды на *авось*.

¹⁶ Набоков В. Указ. соч. С. 647.

¹⁷ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 402—403.

¹⁸ Цит. по: Томашевский Б. В. Десятая глава... С. 208—209.

В общем виде эта «надежда» была представлена еще в известной нецензурной «шалости» Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой», созданной в «первой молодости» поэта (в 1810 году), но оказавшейся одной из причин царского недовольства поэтом и через десять лет.¹⁹ Она завершалась «пуантом», адресованным столице империи:

У вас авось —
России ось —
Крутит, вертит,
А кучер спит.²⁰

Пушкин, конечно же, знал знаменитую «шалость» Вяземского и вовсе не случайно в последних стихах своей «славной хроники» представил того же «спящего кучера»:

[Россия]
Наш Ца(рь) дремал
(VI, 526)

Начиналась же эта «хроника» общей сатирической и желчной характеристикой того же «кучера» («Вл(адыка) слабый и лукавый...»), которую С. А. Фомичев прямо предлагает «продолжить» ранней пушкинской эпиграммой «Послужной список» («Воспитанный под барабаном...»)²¹ Затем следовало ироническое «обозрение» основных событий его правления: начало наполеоновских войн, «гроза 12 года», «Мы очутились в Париже»...

Находящиеся в центральной части «хроники» строфы про «авось» выбиваются из общего характера «хроники» именно тем, что явно не «привязаны» к каким-то конкретным, хронологически выделяемым «событиям». Пушкин дает в них своеобразное «лирическое отступление» — но «отступление» особого, почти «абсурдного» рода, соединяя данности прошлого и настоящего под общим знаком «авосья», определяющего все в России и шевелящего ее «ось».

Затем «событийная» хроника продолжается: послевоенный передел Европы, смерть Наполеона, серия европейских революций, мятежей и покушений, конгрессы Священного союза, восстание Семеновского полка, запрещение масонских лож («(Масоны) присмирели снова...»)²² появление «искр пламени иного», т. е. рождение движения декабристов. Но характеристика деяний, предшествовавших «возмущению 1825 года», дана тоже с явной установкой на абсурд и на «авось» всего происходящего. Собрания «за рюмкой русской водки» «у беспокойного Никиты, у осторожного Ильи», «вдохновенные бормотания», «цареубийственные кинжалы»... И — как итог:

[Всё это было только] скука
Безделье молодых умов
Забавы взрослых шалунов (...)
(VI, 525—526)

На фоне «грозных» и даже «вулканических» (но все равно ничего принципиально не изменивших) европейских потрясений «эти заговоры между лафитом и клико» действительно должны были казаться только «забавами», предпринятыми от «безделья» и рассчитанными разве что на тот же *авось*.

¹⁹ См.: Вяземский П. А. Моя исповедь // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1880. Т. 2. С. 95.

²⁰ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1958. С. 53.

²¹ Фомичев С. А. Указ. соч. С. 152—153.

²² Чтение С. А. Фомичева, в данном случае очень мотивированное. См.: Там же. С. 162—163.

Отсюда вытекают и весьма нетривиальные идеи текста «десятой главы». 1. Движение декабристов было прямым следствием неумной и недальновидной внутренней и внешней политики, проводившейся «владыкой слабым и лукавым», и вполне естественной реакцией на эту политику. 2. Движение это, в духе времени, захватило широчайшие круги русских дворян: в нем так или иначе приняли участие все «молодые умы» России, которые — тоже в духе времени — полагались не на что-то реальное, а на тот же «русский авось». 3. Завершилось это движение «Сибирью» — наказанием для его участников; но жертвы этого наказания были выбраны тоже «на авось»: одни (как «беспокойный Никита» — Муравьев) попали в Сибирь, для других (как для «осторожного Ильи» — Долгорукова) молодые «забавы» остались без последствий. Потому что в противном случае правительству пришлось бы арестовывать и наказывать *всех* «молодых умов» — что же тогда осталось бы для России?

Последняя идея очень понравилась Вяземскому, который занес в дневник и подчеркнул именно цитату «...у вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи». В этой же строфе Пушкин упомянул и самого себя: «Читал свои Нозлы Пушкин», — понимая, что и его самого миновала чаша искупления только благодаря «авосю».

В свете вышесказанного мы можем выдвинуть гипотезу о том, *зачем* Пушкин осенью 1830 года решил «добавить» к законченному уже «Онегину» еще какую-то «главу», для печати не предназначавшуюся. Нет оснований утверждать, что дошедшая до нас во фрагментах «десятая глава» представляет собой зачин какого-то самостоятельного произведения, написанного онегинской строфой, но к «Онегину» отношения не имеющего.²³ Когда Пушкин знакомил А. И. Тургенева с не предназначавшимися для печати строфами, он специально подчеркнул принадлежность их к роману в стихах и указал, что они «надолго еще останутся под спудом». То есть *стихи «потаенные»*. Их нельзя было не только напечатать — их опасно было даже провозить через холерные карантинны.²⁴

Кажется, что таких стихов у него было намного больше, чем мы знаем. В январе 1837 года, буквально накануне последней дуэли, Пушкин особенно активно общался с А. И. Тургеневым. Последний жил тогда в близком соседстве с поэтом (в гостинице Демута) — и старые приятели постоянно посещали друг друга. «Он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровище таланта, наблюдений и начитанности в России», — так сообщил об этих встречах Тургенев в письме к своему двоюродному брату И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 года, на другой день после смерти Пушкина. И далее, в том же письме: «За несколько дней, 16 Января, прочел он мне наизусть *много стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны*».²⁵ Одно из таких стихотворений («Так море, древний душегубец...», 1826) поэт даже записал в специальном письме к Тургеневу, а Тургенев, в свою очередь, послал его за границу к брату Николаю).²⁶

Речь шла не о последних стихотворениях поэта. Тургенев был для Пушкина в этот период живым напоминанием о прошедшем. Подолгу живший за границей, непрерывно хлопотавший за брата, он, собственно, был далек от «современного» Пушкина. Не случайно общавшийся в этот период с Пушкиным едва ли не чаще всех других друзей поэта Тургенев ничего не знал о готовящейся дуэли и был не в курсе преддуэльной истории. Пушкин видел в нем живое напоминание о своих молодых временах. Кроме всего прочего, сама «потаенность», как Пушкин ее понимал в последние годы, означала не просто «возмутительные стихи», не эпиграммы политического содержания, не выпады против тирании, присутствовавшие в комплексе

²³ См.: Пугачев В. В. Радищев, Карамзин, Пушкин. Саратов, 1992. С. 196—205.

²⁴ См.: Фомичев С. А. Указ. соч. С. 151.

²⁵ Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 144.

²⁶ См.: Шеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М.; Л., 1928. С. 287—288.

«потаенных» произведений молодого Пушкина. Это уже странные обобщения, которые могут иногда и пройти в печать, но которые несут очень общий глубинный вопрос о бытии человека в атмосфере, названной Блоком «отсутствием воздуха».

«Несуществование» таких стихов в печати (а часто и в письменных источниках) не означало их «несуществования» как таковых. Пушкин в ряде случаев предпочитал не оставлять «следов» написания того или иного поэтического текста, но этот текст продолжал существовать в его памяти. Так же получилось и с «десятой песнью»: сожженный в октябре 1830 года объемный текст был лишь частично зашифрован: первые четыре стиха каждой из строф; остальное Пушкин просто *запомнил*.²⁷ Он не мог его опубликовать, не мог даже часто читать вслух, не собирался «вставлять» в текст написанного романа в стихах, но *помнил*. И кто знает, сколько таких стихов хранилось у него в памяти и сколько ушло вместе с ним...

В черновом проекте предисловия к восьмой и девятой главам «Онегина», датированном 28 ноября 1830 года (т. е. уже после того, как была «сожжена X песнь»), Пушкин собирался прямо намекнуть на существование некоего «потаенного» текста, имеющего отношение к роману в стихах: «Вот еще две гл(авы) Евгения Онегина — последние *по крайней мере* для печати...» (VI, 541). Но все попытки «угадать» в сохранившемся «тексте для себя» какой-то «сюжет» или намек на продолжение жизни героя (вступление его в то же декабристское общество) изначально бессмысленны. В тексте «для себя» Пушкину этого было не нужно. Задачи подобного текста не столько «сюжетные», сколько «внутренние», собственно поэтические.

Ю. М. Лотман в комментарии выдвинул интересную гипотезу о структуре и содержании этой «десятой главы» и об отношении ее к целостному замыслу. По его наблюдению, в 1830 году Пушкин особенно интересовался «проблемой повествования от лица условного рассказчика» и даже специально выработал в «Повестях Белкина» такой тип текста. Он мог позволить затрагивать опасные темы эффективнее, чем повествование от авторского лица. «Обращает на себя внимание, что оба основных замысла декабристского цикла: „Повесть о прапорщике Черниговского полка (Записки молодого человека)“ и „Русский Пелам“ писались от лица условных повествователей — недалекого молодого человека белкинского типа в первом случае и русского денди — во втором». Сигналами некоего «условного повествователя» в десятой главе становится, во-первых, ряд высказываний, далеких от собственно пушкинских (типа: «О русский глупый наш народ!»); во-вторых, то обстоятельство, что здесь, единственный раз в романе, Пушкин упомянут в третьем лице и по фамилии: «Читал сво(и) Ноэли Пу(шкин)». То есть в десятой главе Пушкин становится *тем, о ком говорит некто иной*.

На основании этого исследователь предположил, что «десятая глава задумана была как текст от лица Онегина, параллель к его „Альбому“». По мнению исследователя, это объясняет и «известный налет иронии в декабристских строфах, вызвавший столь болезненную реакцию, например, Н. И. Тургенева, одновременно с тем странным обстоятельством, что наиболее лирические и поэтические строки в главе посвящены Наполеону. В отличие от злой сатиры в адрес Александра I, элемент иронии в декабристских строфах глубоко дружествен и проникнут сочувствием» (они даже сопоставляются с похожими высказываниями П. Я. Чаадаева). К тому же «можно было бы отметить близость стилистической конструкции десятой главы к сохранившимся строфам „Альбома“ Онегина».²⁸

Эта гипотеза кажется очень привлекательной, но она невольно разрушает всю «криптограмму» реконструкции «десятой главы», опорным пунктом которой становится то обстоятельство, что глава написана онегинскими строфами. Ведь пред-

²⁷ См.: Фомичев С. А. Указ. соч. С. 151.

²⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 413—415; Лотман Ю. М. О композиционной функции «десятой главы» «Евгения Онегина» // Пушкинские чтения в Тарту. Тезисы докладов научной конференции. Таллин, 1987. С. 3—7.

полагавшийся изначально к включению в седьмую главу «Альбом Онегина» (точнее «кой-что», из него «выписанное») — это не онегинские строфы, а самостоятельная сложная конструкция из одиннадцати разнородных по объему фрагментов. Он сохранился в белой рукописи²⁹ и вполне продуман. И вообще автор «Онегина», предоставляя «документальное» слово персонажам («Вот вам письмо его *точь-в-точь*»), предпочитал не использовать для него основной стихотворной формы романа. Да и «неонегинские» тексты, написанные онегинской строфой («Езерский»), обречены были на то, чтобы остаться незавершенными.

«Десятая глава» создавалась Пушкиным в очень интересный момент. Только что он, находясь в Болдине, завершил «труд многолетний», растянувшийся на «7 ле(т) 4 ме(сяца) 17 д(ней)» (VI, 532). После завершения большой работы автор всегда испытывает сомнения — и некий текст «для себя», призванный проверить «онегинский» комплекс на представлении общего исторического фона глазами «разочарованного» и «охлажденного» жизнью героя, был собственно авторской «проверкой» смысла всего романа. Такого рода текст и не претендовал на то, чтобы занять какое-то определенное место в структуре романа в стихах — он был предназначен для того, чтобы «оценить» героя на фоне того времени, в котором он живет: эпохи, представленной *его* глазами.

И не герой виноват, что эта эпоха организовалась по принципу «неразумного *авося*», — поэтому эпоха и оказалась воспринятой столь иронически и сатирически. Поэтому, собственно, в тексте единственным «лирическим отступлением» стало рассуждение про *авось*, продолжавшего раздумья на эту тему «стихоплета великородного».

Шесть лет спустя, в последнем своем стихотворении на «лицейскую годовщину» («Была пора: наш праздник молодой...») Пушкин предпринял попытку решить вопрос, как воздействуют на сознание умного человека те разнородные и неразумные исторические события, которые предстают перед ним: «Чему, чему свидетели мы были?..». Эта попытка была поставлена уже в ином тоне и ключе — без всякого «авося». Но и она осталась незавершенным «текстом для себя»...

²⁹ ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 840. Л. 3—7 об.

© В. В. Головин

«БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»: ПОЧЕМУ БАРАТЫНСКИЙ «РЖАЛ И БИЛСЯ»

Критика и отзывы современников на «Повести Белкина» распадаются на четыре типа:

1. Неодобрительные рецензии — от сочувственных до уничижительных.¹ М. П. Погодин назвал «Барышню-крестьянку» просто дурной повестью,² а В. Г. Белинский — жалкой.³

¹ Наиболее полно критика «Повестей Белкина» разобрана в статье: Сидяков Л. С. Пушкин и развитие русской повести // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 193—217.

² Погодин М. П. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 31. «Читал повести Пушкина. Рассказ к сборнику замысловатый. Разговор — не его дело. Последняя дурна» (Запись от 20 октября 1831 года).

³ «В 1831 году вышли „Повести Белкина“, холодно принятые публикою и еще холоднее журналами. Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, все-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени, особенно жалка из них